

СЕРДЦЕ ПОЭТА

ПРЕДО МНОЙ последнее произведение поэта, переводчика, публициста Льва Владимировича Гинзбурга.

Человеческая личность Гинзбурга вмещала множество действительностей, жизней, авторов и персонажей, потому что он был переводчиком милостью божьей и всякий раз, не теряя себя, оставаясь самим собой, всем существом вживался в судьбу и время переводимых поэтов.

Что оно по жанру, это произведение? Роман-автобиография, комментарий к собственным переводам, путешествие по столетиям, немецкой культуры, исповедь сына века? Все это есть в нем, написанном свободно и поэтично, с тем жаром внутреннего огня, имя которому — талант.

«...Дух бессилен, если его не питают знания», — сказано автором. Читатель совершает удивительный путь по средневековую немецкую поэзию: великий роман «Парцифаль», лирика вагнеров, барокко. Лица и голоса воскресают, звучат, светятся, страдают. Здесь особенно выделяются страницы, посвященные судьбе и поэзии «квинтесценного утешителя» Грифиуса, современника Тридцатилетней войны, по существу, открытого Гинзбургом для русского читателя. Поэтический перевод становится жизнью, познанием, искусством самого высокого толка. Будь моя воля, я рекомендовал бы эту книгу как настольную для каждого молодого переводчика.

Но это и роман. Роман о собственной жизни. Смелый, откровенный. О времени трудном и единственно данном по-

Лев Гинзбург. «Разбилось лишь сердце мое». Роман-эссе. Журнал «Новый мир», № 8. 1981.

колению, к которому принадлежал автор.

Очень важно сегодня в потрясенном мире, еще недавно пережившем трагедию второй мировой войны, в мире, над которым нависла тень новой катастрофы, говорить и писать о культуре, в ее защиту. Книга Гинзбурга выполнена в лучших традициях русского и европейского гуманизма, интернационализма. Ее антифашистский пафос взрывчато актуален; он обращен не столько к истории, сколько к будущему, которое по-прежнему чревато воинственным национализмом в самых разных своих проявлениях.

Подробный, почти «бухгалтерский» отчет старика Миндлина, пережившего в оккупации гетто, потрясает.

Чудесно написано о цыганах, которые внезапно сошлись в сознании автора с вагантами, — рифмуются судьбы, мотивы, страстная неприкаянность, любовь к свободе.

Такое не могло быть написано, если бы не личная драма, только что свершившаяся, неостывшая. Смерть жены, самого близкого человека, вошла в книгу как реальная боль, вошла сдержанно, достойно.

«Мы часто все употребляем слово «смертные», не думая, что оно относится к нам самим. А ведь осознание краткости жизни возлагает на нас высокий долг. В припадке обиды или раздражения мы иногда не разговариваем со своими близкими, забывая, что потом они,

умерев, не смогут разговаривать с нами вечно... Бойтесь ссор! Каждая ссора может оказаться последней! Старайтесь простить друг другу, все, что можно простить. Знайте, что высшее счастье, истинное счастье — возможность видеть любимое существо. Других любимых не будет!»

Оттого, что автор так беззащитно открыт читателям, ему особенно веришь. Нужно было решиться. Горе всегда смелее и больше счастья.

Радость радости не приносила,
Счастье длилось короткий миг.
Только горе — великая сила —
длится дольше столетий самих.
(Борис СЛУШКИЙ)

Я не говорю подробно о переводческих, профессиональных вопросах, которые затрагивает Лев Гинзбург. Здесь, на мой взгляд, он безукоризненно компетентен. Гейне и особенно Шиллер, прочитанный автором свежо, заново, — образы, далекие от хрестоматийного глянца, наши товарищи по культуре. История, в том числе история литературы, под пером Гинзбурга становится живой и близкой; с фолиантов стирается пыль веков, краски промываются и проступают в своем первоизданном виде; даже фантастически многостраничный, далекий Эшенбах, автор «Парцифаля», пробуждается от долгого сна и, погромыкивая рыцарскими доспехами, протягивает нам теплую руку из тринадцатого столетия.

«Если вспомнить мое хождение по стихам, — записывает Гинзбург в дневнике, — то я пытался с помощью своих переводов сказать, чем жил, что думал о жизни, чего хотел от нее. Выражал я через них и радость молодости, и грубое наслаждение плотью, напор и лихость, жившие во мне, тогда молодом». Но более всего хотелось «показать крутые и сильные характеры — в веселье и в гнев, в отчаянии или в яростном негодовании, в неистовом отрицании зла и в потребности прощать, любить, делать добро...».

Это правда, именно так он и переводил — смеясь и гневаясь, отчаявшись и сострадая.

Хорошо, что автор вспомнил добрым словом Г. Шенгели и целую плеяду прекрасных русских и советских переводчиков, порою почти забытых нами.

Люди вообще склонны забывать. Художник живет памятью и напоминанием. Эстрадные наивные мифы юности, мелодии «Донны Клары» и «Синенького, скромного платочка» Петербургского, мадярка Франческа Гааль («Петер», «Катерина», «Маленькая мама»), возникшая и в моем детстве в трофейных кинолентах, — все это не сентиментальные воспоминания, а кровная часть прожитого мира, в котором многое сцеллено и значимо. Гинзбург прослеживает эти судьбы до их грустного финала не для снижения или пересмотра темы, а для нового утверждения правды того собственного состояния, взгляда, без которых не было бы его, сегодняшнего.

Написал «не было бы сегодняшнего» и не стал исправлять. Гинзбург умер, едва поставив точку в конце своей рукописи. Его последняя книга — итог замечательной творческой жизни, внезапно оборвавшейся на новом высоком взлете.

Евгений СИДОРОВ